

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Василенко М.Ю. «Намучатся – научатся»: непростой путь к образованию православных жителей Речи Посполитой в первой половине XVII в // Человек и культура. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.4.75416 EDN: NMIDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75416

«Намучатся – научатся»: непростой путь к образованию православных жителей Речи Посполитой в первой половине XVII в.

Василенко Мария Юрьевна

ORCID: 0009-0008-0628-3546

аспирант; исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1Б

✉ vmasha1999@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.4.75416

EDN:

NMIDG

Дата направления статьи в редакцию:

31-07-2025

Дата публикации:

07-08-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является образование православных жителей Речи Посполитой в первой половине XVII в., которое рассматривается как важный инструмент сохранения культурной идентичности в условиях религиозных конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 г. Акцент сделан на том, как систематическое насилие и преследования со стороны католиков и униатов воздействовали на образовательные инициативы, проводимые православными братствами. Рассматриваются следующие вопросы: организация православного образования, отражение образовательной проблемы в религиозной полемике и трудности, с которыми сталкивались учащиеся православных школ. Перед братскими школами стояла сложная двойная задача: было необходимо не только вступить в

конкуренцию с иезуитскими коллегиумами, но и бороться за сохранение собственной веры как таковой. Освещается противостояние между православной и католической образовательными системами, а также последствия систематических нападений на братские школы, организованных католиками и униатами. Исследование проводится на основе текстологического анализа жалоб духовенства и шляхты, сочинений полемической литературы и распросных речей мещан с использованием историко-сравнительного, историко-типологического и историко-системного методов. Научная новизна заключается в том, что в статье затрагивается малоизученная тема религиозного насилия, связанного с образованием православных на территории Речи Посполитой, с привлечением в том числе архивных материалов распросных речей, что даёт уникальную возможность исследовать мнение не только элиты, но и народных масс по интересующему вопросу. В результате исследования автор пришёл к выводу, что духовенство, шляхта и рядовые мещане по-разному воспринимали насилие против учащихся православных школ. Для последних нападения на школы – очередной жестокий акт насилия, но для первых двух – это угроза не только для личной безопасности, но и для будущего православного вероучения. Особый вклад автора в исследование темы состоит в том, что на основе рассмотрения интеграции эмоциональных и рациональных аргументов в жалобах различных слоев населения осуществляется попытка увидеть, как образование и вера становились плотно взаимосвязанными в условиях межконфессионального конфликта. Подчеркивается, что образование в указанный период не только выполняло функцию передачи знаний, но и становилось важным инструментом социальной дисциплинаризации.

Ключевые слова:

Речь Посполитая, религиозная нетерпимость, религиозная полемика, православные братства, распросные речи, православная шляхта, социальная дисциплинаризация, полемическая литература, братские школы, Брестская уния

Введение

Первая половина XVII в. в истории Речи Посполитой была связана с борьбой православных жителей восточных земель против насаждения Брестской церковной унии 1596 г., предполагавшей переход в подчинение папе римскому с одновременным сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Православное население восприняло данный шаг как посягательство на веру и попытку окатоличить и ополячить население украинских и белорусских земель, потому значительная часть отказалась переходить в унию. Западнорусская церковь оказалась разделена на униатскую и православную, при этом последняя стала подвергаться систематическим преследованиям со стороны и католиков, и униатов. Эта борьба принимала самые причудливые формы и велась путем экономического, социального, политического и культурного притеснения. В истории Речи Посполитой в первой половине XVII в. религиозные конфликты играли значительную роль, оказывая влияние на многие аспекты жизни общества. Одним из ключевых вопросов, затронутых этими конфликтами, было образование, которое становилось не только средством передачи знаний, но и важным инструментом сохранения культурной идентичности. Православные жители, включая шляхтичей, священников и рядовых граждан, столкнулись с вызовами, связанными с насилием и дискриминацией, что повлияло на их отношение к образовательным инициативам.

Религиозные конфликты в Речи Посполитой существенно повлияли на развитие общества, особенно в контексте образования. Насилие, направленное против православных учебных заведений, не только подчеркивало напряженность между конфессиями, но и вызывало необходимость осознания важности сохранения культурной идентичности через образовательные проекты. В этом контексте исследование отношения православных к образовательным инициативам приобретает особую актуальность.

Выбор темы обусловлен её значимостью для понимания роли образования в сохранении культурной идентичности и социальной сплоченности в условиях религиозных конфликтов. Изучение этого вопроса позволяет глубже осознать, как образовательные инициативы способствовали сплочению православного сообщества в Речи Посполитой.

В данной статье предметом нашего исследования станет образование в православных учебных заведениях в конце XVI – первой половине XVII вв. Поскольку, следуя укоренившимся религиозным обычаям, в Речи Посполитой в XVII в. образование, как и большинство форм духовной культуры, носило религиозный характер, нам представляется важным рассмотреть в качестве проблемы то, каким образом непримиримое противостояние восточной и западной церкви на территории Речи Посполитой сказалось на такой относительно узкой сфере, как обучение подрастающего поколения. В связи с этим мы предлагаем решить ряд вопросов:

- 1) Каким образом было организовано образование для православных?
- 2) Какое отражение получила проблема образования в религиозной полемике, возникшей в связи с Брестской церковной унией?
- 3) С какими трудностями сталкивались ученики православных учебных заведений? Как эти трудности воспринимались и как с ними боролись представители разных сословий:
 - духовенства;
 - православной шляхты;
 - рядовых мещан?

Польские исследователи, начиная с К. Ходыницкого [1] обычно подчеркивали позитивное влияние униатско-католической политики на образовательные процессы, отмечая её вклад в создание многонациональной и многоконфессиональной образовательной системы. С другой стороны, украинские историки, вслед за М. Грушевским [2. С. 224-228], критиковали унию, рассматривая её как инструмент ассимиляции православного населения. Эти различия в подходах отражают более широкие национальные и религиозные разногласия между польской и украинской историографией, что подчеркивает сложность и многогранность темы.

Целый ряд исследователей, включая В.П. Мещерякова [3], Е.Н. Дзюбу [4], Я. Д. Исаевича [5], акцентировали внимание на роли православных братств в развитии образовательной системы. Их исследования подчеркивали самостоятельность и активность православных общин в создании и поддержке школ, таких как Львовская и Киевская братские школы. М. Грушевский отмечал, что православные братства не только обеспечивали образовательные нужды, но и способствовали сохранению религиозной и культурной идентичности в условиях давления со стороны унии [2. С. 219-224]. Украинские исследователи также акцентировали внимание на важности событий 1632

года, когда была основана Киевская коллегия, сыгравшая значительную роль в развитии православного образования и культурного подъема украинского народа [6. С. 159-174].

Широкий срез взглядов представителей православного духовенства Речи Посполитой на вопросы, связанные с образованием, предоставляют материалы православно-униатской полемики, что уже было реализовано многими исследователями, из которых следует выделить ряд представителей современной историографии Я. Стародомского [\[7\]](#), Н. А. Кутузову [\[8\]](#), И. Шевченко [6. С.159-174]. Отношение православной шляхты к унии и ее попытки выработать стратегии борьбы с нею нашли отражение в фундаментальном исследовании П. Н. Жуковича [\[9\]](#) и позднейших аналогичных исследованиях. Непосредственно вопросам, связанным с образованием посвящена статья Д. А. Смолякова [10. С.151-162], но оно ограничивается подробным рассмотрением спора двух выдающихся полемистов – Льва Кревзы и Захария Копыстенского, не принимая во внимание суждения, высказанные в прочих полемических текстах, не принадлежащих этим авторам.

Так или иначе, большинство вышеозначенных исследований предлагают более комплексный взгляд на значение образования на церковнославянском языке в Речи Посполитой, озвученного в полемической литературе и организацию братских школ, мы же в свою очередь хотим сосредоточиться на насилии, с которым приходилось сталкиваться учащимся и всем прочим людям, имевшим отношение к православным учебным заведениям. Тем более в современной историографии практически отсутствуют сведения о суждении рядовых мещан по этому вопросу, в связи с труднодоступностью источниковой базы. В свою очередь мы обнаружили ряд интересных, на наш взгляд, документов по этой теме, работая в Российском государственном архиве древних актов (далее РГАДА) с материалами распросных речей рядовых мещан.

Методология

Основной фокус нашего исследования – отношение к образованию православных представителей разных сословий западнорусских земель, потому мы ограничимся лишь краткой характеристикой организации и содержания самого образовательного процесса, опираясь преимущественно на уже существующую историографию по данному вопросу и отчасти на опубликованный источниковый материал.

Переходя к характеристике позиции духовенства, мы обратим особое внимание на материалы религиозной полемики, в которых формулируется взгляд на образование, его важность, решается вопрос о том допустимо ли получение образования в учебных заведениях иноверцев (иезуитских коллегиях)?

В рамках нашей работы мы обнаружили специфический повторяющийся сюжет, связанный с насилием, применяемым к ученикам православных школ, причем речь идет не о банальных драках между сверстниками, вспыхивающих под влиянием момента, а о целенаправленных систематических акциях со стороны католиков и униатов.

В разного рода жалобах, отчасти представители православного духовенства и шляхты высказывают свое отношение к таким акциям. Анализируя построение этих жалоб, то, что выносится авторами на первое место, чему в тексте уделяется больше внимания, мы можем высказывать обоснованные предположения о их мотивах, отчасти судить о том, что вызывает больший эмоциональный отклик у представителей этих двух сословий.

Работая над актовыми материалами в фондах Разрядного приказа РГАДА, мы обнаружили

сведения о нападениях на учеников православных учебных заведений в материалах распросных речей. Прежде всего следует пояснить, что распрос представляет собой разговор с представителями власти при пересечении границы Московского государства и Речи Посполитой, целью которого является выяснение цели визита, а также, по возможности, получение новостей о том, что происходит в соседнем государстве. После заключения Брестской церковной унии усилилось давление на православное население польских земель, оттого увеличился и поток беженцев на территорию Московского государства. Поскольку распрос на границе, видимо, имел полуформальный характер, респонденты, зачастую довольно ярко живописуют свои злоключения и беды, которые им пришлось претерпеть, из-за чего они вынуждены были предпринять попытку сменить подданство и уехать в соседнее «Православное государство», где надеются, что не будут терпеть претензии за исповедание собственной веры. Мы исследовали несколько сотен распросных речей, применяя метод линейного анализа средневековых массовых источников и выявили отдельную «линию», насчитывающую несколько десятков текстов, в которых вскользь упомянуты или подробно описаны случаи нападения на учеников православных братских школ, что даёт нам редкую возможность услышать голоса «снизу»: понять как к данной узкой проблеме относились рядовые члены православной паствы, что для них воспринималось особенно болезненно. При этом, принимая во внимание характер разговора на границе, мы неоднократно убеждались, что порой переселенцы, стремящиеся сменить подданство склонны приукрашивать правду или, напротив, чересчур драматизировать, чтобы расположить к себе представителей власти. Тем не менее, мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что в данном случае их свидетельства об ужасающих своими вероломством и жестокостью нападениях на «школьников», близки к истине, поскольку аналогичные, данные мы получаем из опубликованных материалов жалоб духовенства и шляхты польскому королю, тезисных замечаниях в распросных речах курсирующих через границу торговых людей, оттого мы полагаем, что имеем все основания считать, что свидетельства мещан – не выдумка, получив косвенное подтверждение из источников по другую сторону границы, от представителей других сословий.

Проведя подробный и тщательный текстологический анализ оказавшихся в нашем распоряжении материалов, мы использовали классические методы исторического анализа: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный для анализа и сопоставления взглядов разных сословий на проблемы, связанные с образованием православных жителей восточных земель Речи Посполитой, чтобы выяснить, как они реагируют на эти проблемы, вырабатывают ли единую стратегию борьбы.

Основная часть

Образование в первой половине XVII в. в Речи Посполитой, как и в любое время, и любом обществе являлось краеугольным камнем, затрагивавшим одновременно экономику, политику и социокультурную сферу. Образование, будучи не только способом передачи знаний, но и масштабной площадкой для распространения мыслей, идей, включая вероучение, оказалось особенно болезненным вопросом в связи с религиозным противостоянием, начавшимся после заключения Брестской церковной унии 1596 г.

В рамках этноконфессионального противостояния католиков, униатов и православных одной из площадок для борьбы стала религиозная полемика, в рамках которой отразились и сформировались противоположные мировоззренческие системы, оказавшие влияние на формирование идентичностей поляков и их восточнославянских соседей.

Один из главных идеологов унии, готовивший почву для будущего постепенного соединения двух церквей, католический теолог, Пётр Скарга, был одним из первых, кто в своей аргументации против православия использовал образование, указав на то, что даже церковнославянский язык уступает латыни и греческому, поскольку: «Еще не было на свете академий и коллегий, где философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались бы по-славянски, на нем [церковнославянском языке] нет ни грамматики, ни риторики и быть не может» [11. С. 63]. Он высказал сомнения в том, насколько православные священники способны заботиться о своей пастве, не имея должного образования, что прозвучало особенно болезненно, учитывая, что в момент публикации его произведения «О единстве церкви Божией и об отступлении греков от единства, с предостережением и наставлением народам руським» в 1577 г., на территории Речи Посполитой вовсе отсутствовали учебные заведения, в которых знания передавались бы на церковно-славянском языке [12. С. 133].

Будучи свидетелями слабости представителей высшей церковной иерархии, их неспособности полноценно противостоять католикам в правовом пространстве ещё до заключения унии, а со временем и предательства некоторыми представителями высшей церковной иерархии интересов «вяры грецкой» (Митрополит Киевский Михаил (Рогоза), Епископ Владимирский и Брестский Ипатий Потей, Епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий и пр.), православная паства взяла инициативу в свои руки, что и послужило толчком для формирования особых сообществ – православных братств, собиравших под своим крылом людей самых разнообразных сословий. Целью их было всестороннее противодействие насаждению католических порядков, в том числе и унии. Братства активно жертвовали средства на строительства и ремонт храмов и монастырей, поддерживали приходы, богадельни, лечебницы и, что особенно важно для нашей статьи, занимались строительством и содержанием школ, училищ, типографий [13. С. 34]. Признанными авторитетами в сфере образования на территории Речи Посполитой были иезуитские коллегиумы, обучавшие «семи свободным искусствам», а также латинскому и греческому языкам. В Братских школах, которые ставили перед собой задачу составить достойную конкуренцию признанной во всей Европе иезуитской системе, использовали модель обучения, разработанную Эразмом Роттердамским, именуемую «триединая академия», при таком подходе обучение велось на трёх языках. Адаптируя эту методику под свои реалии Братские школы вели образование на церковнославянском, греческом и латинском языках [12. С. 134]. Первая Братская школа была открыта во Львове в 1586 г., а вслед за тем аналогичные были открыты в Вильно, Бресте, Минске, Могилеве, Луцке, Киеве и т.д [13. С. 32].

Однако, несмотря на активные шаги, предпринятые для решения проблем православного образования, они сохранялись на протяжении всей первой половины XVII в., демонстрируя разные свои грани. Вслед за П. Скаргой целый ряд полемистов-католиков вменял в вину православным их недостаточную образованность, в особенности в среде духовенства. В свою очередь православные полемисты, такие как анонимный автор фундаментальной «Перестоги» (1605-1606 гг.) активно критикуют противников и предостерегают единоверцев от чтения подложных книг, оправдывающих унию: «книги змышляют, пишучи под датою старою, писмом старым, якобы колись тая згода трвати мела» [14. С. 231]. Вторая не менее важная в их глазах проблема – не только открытие и поддержание, но и образовательный авторитет Братских школ.

Компетентность учителей Братских школ, качество преподавания – всё это было крайне важно для представителей православной шляхты Речи Посполитой, которые, следуя шляхетским традициям сарматизма, для поддержания своего статуса непременно должны

были служить, потому образование для них – важная ступенька на пути к желанной должности, а значит и социальному статусу. Прежде всего следует помнить, что несмотря на все усилия со стороны Братств, православных школ было недостаточно, открытие новых сталкивалось с постоянным сопротивлением местных религиозных и светских представителей власти-католиков, которые либо собственными силами, либо при поддержке короля добивались запретов на строительство или закрытие братских школ [15. С. 7-8]. Но даже, когда юридическое сопротивление оказывалось преодолено, для части представителей православной шляхты оставался открытый вопрос о том, не навредит ли будущей карьере обучение не в одном из иезуитских коллегиумов, которые уже отлично себя зарекомендовали, такого рода сомнения породили целую ветвь аргументации в текстах православных полемистов.

Все стороны участвующие в религиозной полемике конца XVI – первой половине XVII в. осознают, что образование подчас даже более эффективный способ укрепления и распространения веры, чем проповедь, потому социальное дисциплинирование с помощью учебных заведений – один из самых ненавязчивых, но надежных способов добиваться своих социокультурных и политических целей, укреплять позиции своей Церкви [16. С. 12-27]. Пусть и не современными терминами в сатирическом православном произведении «Вопросы и ответы православному з папежником» (1603 г.), демонстрирующем в том числе превосходство православного образования над «латинской мудростью», говорится о необходимости укреплять веру не только и не столько с помощью церковной службы: «гдежъ найлепей и снадней ма быть проповедь науки збавенное, ажъ не в церкви ... не на службе, але по службе» [17. С. 81].

Один за другим авторы православных полемических текстов стремятся предостеречь шляхтичей от неверного с их точки зрения решения, поскольку обучение в иезуитском коллегиуме приближает их чад к блистательной светской карьере, но отдаляет от спасения души в лоне Истинной Церкви (анонимное сочинение 1607 г.): «не маючи своих наукъ, у науки рымскіе свое дети давати почали, которые за науками и веры навыкли» [14. С. 220]. В своём отчаянном сражении за души паства, духовные пастыри дают порой радикальные советы: не учиться вовсе, если нет возможности посещать православное учебное заведение, ведь в конце концов: «мудрость светская глупство есть у Бога» (из ранее упомянутых «Вопросов и ответов...» 1603 г.) [17. С. 106]. Один из видных православных полемистов, З. Копыстенский в своей «Палинодии» (1621-1622 гг.) [18] стремился практически посторонично опровергнуть тезисы, выдвинутые Л. Кревзой в его «Обороне унии» (1617 г.) [19]. В ответ на утверждение униатского архиепископа Смоленска о низком статусе православных священников из-за низкого уровня образования [19. С. 287], православный мыслитель возражал: никакие светские знания, включая философию, несравнимы и никак не связаны с духовным развитием, чему подтверждением служит тот факт, что «многочисленные ученые и от них, и от нас еретиками были; ... признаны» [18. С. 904].

Судя по той риторике, которая в дальнейшем систематически звучит в текстах самих православных шляхтичей, один из наиболее эффективных аргументов, к которому прибегали православные полемисты – угроза того, что молодые шляхтичи, утратив связь с верой, не будут иметь почтения к родителям и традициям своих предков, таким образом, получив образование, тем не менее лишатся подлинного своего достоинства «з веры православное на рымскую выкrestилися, и назвиска (фамилии) и имена собе поотменяли, якобы они николи не знали ся быти потомками благочестивых прародителей своих» [14. С. 224].

Источники, кажется, достаточно убедительно свидетельствуют нам о том, как, видимо, тяжело давалось представителям шляхты решение о том, куда отправить учиться своего ребенка, в то же время у нас практически нет информации о том, как принимали такое решение представители рядового населения, прежде всего мещане, реже крестьяне, чьи дети порой учились в приходских школах, о чем мы узнаем из распросов. Однако в текстах представителей всех рассматриваемых нами в данной статье сословий (духовенства, шляхты, мещан, крестьянства) встречаются упоминания о проблеме, столкновение с которой сложно вообразить современному человеку.

На пути к образованию представители православных общин на территории Речи Посполитой и без того преодолели немало юридических трудностей, не просто давалась им и постройка школы, кому-то из родителей не менее тяжело далось и решение о том, где именно их ребенок будет получать знания. В момент, когда кажется, что основные сложности позади, юные школьники, их наставники, меценаты начинают сталкиваться с чудовищными актами насилия – разбойными нападениями, со стороны католиков: «хлопят з школы, при той же церкви будуче, их бitem розогнавши» (1621 г.) [15. С. 139]. Необходимо отметить, что подавляющее большинство описаний, обнаруженных нами, явно свидетельствует о том, что такие нападения не были следствием случайно вспыхивавших драк, но были тщательно подготовлены, порой санкционированы и организованы прямыми конкурентами Братских школ – иезуитскими коллегиумами.

Особого внимания заслуживает то, как о таких нападениях говорят представители разных сословий. Безусловно жестокие нападения никого не оставляют равнодушными, но то, как о них пишут и говорят, отчасти демонстрирует некоторую разницу в восприятии представителями разных сословий стоящей перед ними проблемы. Духовные иерархи с трепетом относятся к своим коллегам и юным ученикам, страдающим от нападений католиков. Нам кажется важным отметить, что в своих жалобах, адресованных польскому королю, они особое внимание уделяют тому, что священнослужители не только пострадали физически, но и были публично унижены, им и без того приходится жить и исполнять свои обязанности: «пофалки явные чипечи» (терпя публичные угрозы/унижения) [20. С. 389]. Нападения с оружием, побивания камнями и палками – нестерпимое оскорбление для и без того ограниченной в своих правах православной церкви на территории Речи Посполитой, такого рода обращения к королю – попытка убедить его вмешаться по крайней мере в столь вопиющих случаях и защитить своих верноподданных. В то же время письма к Московскому государю полны списков церковной утвари, ценных книг, убранства, пострадавших от шляхетских нападений на братские церкви, школы и лечебницы, сообщается точное число разбитых окон, снятых с петель дверей и пр. Мы полагаем, это объясняется тем, что польские короли неоднократно и вполне убедительно давали понять, что не окажут финансовой поддержки никаким православным учреждениям ни при каких обстоятельствах, но посланцы, посещающие Московское государство, порой получают финансовую помощь. Было бы несправедливым упрекать представителей духовенства в том, что для них интересы школьников отошли на второй план, их страдания, реже имена конкретных жертв нападений так же упоминаются в таких текстах, но больше внимания уделяется тому, что, по мнению автора письма, под силу решить адресату.

Иначе строятся тексты рядовых жителей украинских и белорусских земель (крестьян и мещан), их сообщения о подобных инцидентах полны живописных деталей самого нападения, хронологии событий, вследствие этого они, пожалуй, наиболее эмоциональны. Вместо списка пострадавших при нападении предметов школьной обстановки мы встретим, например, такие описания: «до дверей каменями руками бити, а

штурмовать почали;... выбити не могли;... у дверей колодку шаблями и киями (палками) розбивши и розкрохотовши свовольне; ... гды се их большей есче збегло, тых дверей знесли» (1624 г.) [21. Л. 154]. Описания пострадавших зачастую довольно лаконичные, но от того не менее красочные и чудовищные: «битых, синых, кровавых и спухлых, барзо шкодливых всюди веле позадавали и на здоровю их покаличили» (1632 г.) [22. Л. 73]. Как и священнослужители в своих жалобах, мещане в своих распросах на границе редко упоминают имена конкретных жертв таких нападений, а если и упоминают, то видимо, от того, что произошедшее с ними особенно чудовищно в их представлении, с чем нам сложно бывает не согласиться: «Ломинского бито, мордовано, который на живый бог волал (взвывал) и просилсе, абы его не забияно, кгды ж им ничего не винен был, шаблями поsekли, поранили и киями (палками), килька разы покладаючи, били и мордовали, од которого зраненя и окрутного збитя (жестокого избиения) богу душу оддал» (1632 г.) [22. Л. 76]. Тем не менее, для рядовых жителей нападения на Братские школы логично встроены в целую цепь насильтственных действий, с которыми они вынуждены сталкиваться. В отличие от священнослужителей, они не считают нужным придавать особое значение нападениям на учебные заведения, как актам специфического, нарочитого и более опасного посягательства на веру. В том, как они говорят о таких нападениях, звучит, на наш взгляд, нечто напоминающее рутинное смиление, жестокость, ожидаемая для каждого русина (православного жителя Речи Посполитой): «хоц намней невинного, только же русин били, секли» (1629 г.) [23. Л. 206], это не значит, что они согласны опустить голову и терпеть; напротив, нападения получают стойкий отпор, но не прекращаются. Пожалуй, рядовым жителям действительно сложно и бессмысленно по-особенному относиться к пострадавшим учебным заведениям, при условии, что по крайней мере часть из них вынуждена наблюдать на своем пороге ежедневную череду насилия и разрушений: «а праве каждои ночи, купою по улицам волочачися и на дворы шляхетных и людей розных и шляхетцких находечи, стреляючи, окна выбиваючи» (1635 г.) [24. Л. 53]. Важно, что причину таких погромов представители народных масс чётко связывают с религиозной нетерпимостью, неоднократно указывая на то, что агрессоры-католики намечают себе жертвами именно православных «русинов».

Отдельного упоминания, на наш взгляд, заслуживают шляхетские жалобы, будучи по уровню эрудиции более близкими к духовенству, чем к мещанству, шляхтичи в своих жалобах польскому королю проявляли уже знакомое нам внимание к деталям обстановки. Однако, если в своих посланиях Московскому государю священнослужители сообщали прежде всего об утраченных книгах и церковной утвари, рассчитывая, что он не откажет в помощи единоверцам, шляхтичи, руководствуясь той же логикой, действовали иначе. Они так же понимали, что польский король, лишивший православную церковь своей поддержки, откажется восполнить утраченную церковную атрибутику, упор ими делался на пропадающие в ходе таких нападений сундуки и ларцы с деньгами: «скрини 2 с пинезми (2 ларца с деньгами), одну малую, шпитальную, всю желизну, на окне у шпиталя стоячую, у ланцушка урвали (оторвали от цепочки), а другую деревянную, розбивши пинези, которых в обудву могли быти золотых полутора ста, пожаковавши (разграбили)» (1634 г.) [15. С. 140]. В их жалобах зачастую поименно перечислены все пострадавшие при нападении, с упоминанием полученных ими травм, тяжести нанесенного вреда: «Василя Сталевича в лоб окрутне ранено и рану ему шкодливою задано, Демяна Василевича хорого на лужку кийми побито и в лоб ранено и за забитого одошли, Якима Левковича каменем в губу до зубов впол пробито, Дмитрови Посполитому каменем око выбито» (1634 г.) [15. С. 140]. Также предоставлены имена свидетелей того, в каком плачевном состоянии оказались жертвы: «видили есмы у постели лежачого» (1617 г.) [25. С. 53]. На первый взгляд такие послания выглядят наиболее формальными

и сухими по сравнению с тем, что доносят до нас представители духовенства и рядовые жители: подробное четкое и ясное описание, зачастую лишенное эмоциональных эпитетов, производит ничуть не менее чудовищное впечатление на читателя. Родители, опекуны и наставники, не сумевшие предотвратить жестокие расправы над детьми, обращаются к закону, как к очередному средству отстаивания своих интересов. Порой в их текстах звучит обращение к общехристианской сакральной норме, например, они уповают на более строгое отношение властей к инциденту, поскольку и без того чудовищное правонарушение было совершено в воскресенье, что заслуживает особого порицания: «жадного респекту на жадную речь не маючи, прибравши себе купы большое в день недельный» (1606 г.) [26. С. 21].

Нападения на Братские школы редко ограничиваются уничтожением учебного заведения, часто под ударом оказываются и находящаяся неподалеку церковь, «мешканя (жилища) при ней для духовных особ и людей убогих, уломных, шпитальных» (1609 г.) [25. С. 32], лечебница и даже кладбище, в текстах шляхтичей, обращенных к польскому королю, можно прочесть те же слова, что почти дословно воспроизводят мещане в своих распросах: «абы только был русин, без вшелякого политования шаблями, киями, цеглами (кирпичами), альбо рачей каменями побили, потовкли и помордовали» (1634 г.) [15. С. 139]. На наш взгляд у тех и других и других, подобные слова – не признак смирения перед своей судьбой, но демонстрация осознания ими своего положения, признак зреющего и укрепляющегося в сердцах и умах этноконфессионального противостояния, которое на протяжении всего рассматриваемого периода находит выходы в казачьих восстаниях и достигнет кульминации в восстании Б. Хмельницкого 1648-1654 гг.

В отличие от рядовых жителей православная шляхта, вслед за духовенством выделяет нападения на учеников из общей массы систематических насильственных действий со стороны «ляхов». Они осознают важность связи образования и укрепления веры, о которой, как мы уже продемонстрировали ранее, писали православные полемисты, поэтому, как нам кажется для шляхтичей особенно болезненны ситуации, когда страдают учащиеся, они не только будущее своих родителей, но будущее Истинной Церкви, ведь: «маючи науки, ижъ латво выучившия могут правду всему свету показати и церковь С^{вя}тую моцно боронити» (1617 г.) [25. С. 53].

Заключение

В ответ на заявления католических полемистов об утрате авторитета православной церковью, вследствие отсутствия в том числе у священнослужителей качественного образования, в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. открываются Братские школы, обучение в которых ведется на церковнославянском языке. Православные учебные заведения постоянно сталкивались с противодействием со стороны католических властей, начиная с препятствования строительству, вплоть до закрытия уже существующих. Действующим же школам приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы доказать свою конкурентоспособность по сравнению с авторитетными, известными всей Европе иезуитскими коллегиумами.

Представители духовенства в ходе полемики с католиками и униатами всеми силами доказывали, что «греческая мудрость» ни в чем не уступает латинской, а также, видимо, чтобы убедить сомневающихся шляхтичей, уверяли, что сохранение чистоты веры важнее получения образования ради будущей карьеры, настаивая на том, что обучение в католическом коллегиуме вместо православной школы – прямой путь к утрате веры, а значит и предательству заветов предков. Однако, те, кто сделал выбор в пользу

спасения бессмертных душ своих чад, сталкивались с новой угрозой – систематическими нападениями со стороны католиков, организованными часто при поддержке иезуитских коллегиумов.

Источники доносят до нас описания этих жестоких акций представителями духовенства, шляхты и даже рядовыми мещанами, крайне редко крестьянами. Характер этих описаний отличается в силу специфики источников. Рассмотренные в данном исследовании тексты духовенства и шляхты носят официальный и полуофициальный характер, авторы стремятся смирить свою эмоциональность, видимо, стараясь исправить хоть что-то, требуя не столько отмщения, сколько минимальной компенсации. Польская королевская власть чётко дала понять, что православная церковь лишена с ее стороны всякой поддержки, в первую очередь финансовой, поэтому подавая жалобы на нападения на Братские школы, представители высшего духовенства стремятся сделать акцент на то, что пострадали прежде всего наставники и преподаватели, не лишенные заслуг перед властью, русины, остающиеся верноподданными польской короны. Во время таких нападений часто страдает не только школа, но и все объекты, находящиеся по соседству, зачастую это церковь, лечебница, соседние светские постройки. Духовенство и шляхта вскользь упоминают в обращениях к польскому королю о пострадавшей церковной утвари, но не уделяют этому большого внимания, видимо, осознавая бессмысленность. Вместо этого шляхтичи подробно перечисляют количество выбитых окон, пострадавшие от огня части здания, снятые с петель двери, испорченные ставни и пр. Учитывая, что именно такая расстановка акцентов в подобных жалобах сохраняется десятилетиями, мы считаем себя вправе заключить, что такая стратегия приносит желанные результаты и пострадавшим удаётся добиться по крайней мере компенсации материального ущерба. Видимо, с аналогичной целью завершаются подобные жалобы всегда списком ущерба, нанесенного перечисленным поименно ученикам, преподавателям и всем прочим, кто оказался вовлечен в конфликт, начиная с испорченной одежды, заканчивая последствиями побоев, причем последнее готовы подтвердить свидетели, чей список так же прилагается.

В отличие от духовенства и шляхты, «голоса» крестьян и мещан, говорящих об интересующем нас предмете, мы слышим благодаря полуформальным распросам, допускающим относительно вольную форму общения между представителями власти Московского государства и рядовыми жителями украинских и белорусских земель, которые рассказывают о жестоких нападениях на школы, как об одной из множества причин, вынудивших их пытаться сменить подданство и перейти под власть «православного государя». Их описания эмоциональны, акцент сделан на вероломный характер таких нападений, беспринципность нападавших, порой могут быть более подробно описаны сами события, но за исключением случаев вопиющей жестокости не сами жертвы, или разграбленное имущество. Цель этих эмоциональных описаний – донести до адресата ощущение масштаба трагедии.

В заключении нам кажется важным отметить, что для мещан подобные нападения – трагичный, но не исключительный эпизод: пострадавшее имущество и даже избитые дети, для большинства респондентов, к сожалению, являлись частью практически ежедневного цикла насилия, от которого они бежали. При этом представители низших слоев населения, так же чётко, как и представители более образованных сословий понимали, что причина жестокости – религиозная нетерпимость. В то же время более образованные представители шляхты и духовенства маркировали такие нападения, как наиболее важные из всех эпизодов религиозного насилия, чем нападения на светских лиц и их имущество, ведь, с их точки зрения, образованное будущее поколение,

воспитанное в соответствии с православными догмами, сможет со временем более успешно и с меньшими потерями нести свет Истинной Церкви и защищать ее от посягательств. Исследование открывает новые горизонты понимания актуальных исторических процессов, касающихся роли образования в религиозной и политической жизни Речи Посполитой в рассматриваемый период.

Библиография

1. Chodnicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny 1370–1632. Warszawa, 1934. 632 s.
2. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913. 556 s.
3. Мещеряков В.П. Братские школы Белоруссии (XVI-1-я пол. XVII в.). Минск, 1977. 56 s.
4. Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским: вторая половина XVI – первая половина XVII в. К., 1987. 129 s.
5. Исаевич Я.Д. Братские школы // РПЭ: В 2 тт. М.: БРЭ, 1993. Т. 1. С. 256.
6. Шевченко І. Религиозная полемическая литература в украинско-белорусских землях у XVI-XVII ст. // Шевченко І. Украина между Востоком и Западом: Нариси з історії культури до початку XVII століття. Пер. с англ. Львів, 2001. С. 159-174.
7. Starodomski J. Spory o "wiarę grecką" w dawnej Rzeczypospolitej. Kraków, 2003. 368 s.
8. Кутузова Н.А. Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI-первой половины XVII вв. Минск, 1998. 98 s.
9. Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. СПб., 1901. 610 s.
10. Смоляков Д.А. Формирование социально-философских взглядов на феномен образования в контексте православно-униатской полемики в Беларуси и Украине начала XVII века // Humanistic Encounters. International Interdisciplinary Scientific Journal. 2016. № 6. С. 151-162.
11. Акинчиц А.И. Братские школы // Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобного мученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 1996. С. 5-9.
12. Данилевский И.Н., Таирова-Яковлева Т.Г., Шубин А.В., Мироненко В.И. История Украины. СПб.: Алетейя, 2020. 290 s.
13. Садовникова Н.Е. Значение Братских школ в истории российского государства // Мир наук и образования. Саранск: Мордовский гуманитарный институт, 2016. № 1. С. 134-164.
14. Грушевский М.С. Історія української літератури. Т. 5. Кн. 2. Київ: Либідь, 1995. 614 s.
15. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. 1620–1647. М.: АН СССР, 1953. 587 s.
16. Дмитриев М.В. Об отношении к "грамматике, риторике и силлогистике" в православной культуре Восточной Европы на рубеже XVI и XVII веков // Религиозное образование в России и Европе в XVII веке. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 13-27.
17. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 7. СПб., 1882. 1822 s.
18. Капустянский З. Палинодия // Русская Историческая Библиотека. СПб., 1878. Т. 4. С. 313-1200.
19. Kreuza L. Oborona jedności cerkownej, albo dowody, któremi się pokazuje, iż grecka Cerkiew i łacińska ma być zjednoczona // Русская Историческая Библиотека. СПб., 1878. Т. 4. С. 157-312.
20. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 19.

СПб., 1903. 872 с.

21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. № 262.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 274.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 271.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 280.
25. Вестник Юго-Западной и Западной России. № 9. Киев, 1863. 340 с.
26. Вестник Юго-Западной и Западной России. № 12. Киев, 1864. 316 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История православных жителей Речи Посполитой весьма непроста: как известно, в течение нескольких столетий польское государство активно стремилось к ассимиляции православных подданных, что не могло не привести к череде религиозных конфликтов. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов сохранения культурной идентичности жителей Речи Посполитой.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является образование в православных учебных заведениях Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. Автор ставит своими задачами рассмотреть библиографию вопроса, раскрыть проблемы, с которыми сталкивались ученики православных учебных заведений, проанализировать организацию образования для православных.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать, как образовательные инициативы способствовали сплочению православного сообщества в Речи Посполитой. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 25 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Российского государственного архива древних актов. Из привлекаемых автором исследований отметим работы В.П. Мещеряковой, Н.Е. Садовниковой, Д.А. Смолякова, в центре внимания которых находятся различные аспекты феномена образования православных жителей Речи Посполитой. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как православным населением Речи Посполитой, в целом, так и его образованием, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в рамках этноконфессионального противостояния

католиков, униатов и православных одной из площадок для борьбы стала религиозная полемика, в рамках которой отразились и сформировались противоположные мировоззренческие системы, оказавшие влияние на формирование идентичностей поляков и их восточнославянских соседей». В работе показано, что «будучи свидетелями слабости представителей высшей церковной иерархии, их неспособности полноценно противостоять католикам в правовом пространстве ещё до заключения унии, а со временем и предательства некоторыми представителями высшей церковной иерархии интересов «вяры грецкой» (Митрополит Киевский Михаил (Рогоза), Епископ Владимирский и Брестский Ипатий Потей, Епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий и пр.), православная паства взяла инициативу в свои руки, что и послужило толчком для формирования особых сообществ – православных братств, собиравших под своим крылом людей самых разнообразных сословий», которые помимо прочего занимались и строительством и содержанием школ и училищ. Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «стороны участвующие в религиозной полемике конца XVI – первой половине XVII в. осознают, что образование подчас даже более эффективный способ укрепления и распространения веры, чем проповедь, потому социальное дисциплинирование с помощью учебных заведений – один из самых ненавязчивых, но надежных способов добиваться своих социокультурных и политических целей, укреплять позиции своей Церкви».

Главным выводом статьи является то, что «в ответ на заявления католических полемистов об утрате авторитета православной церковью, вследствие отсутствия в том числе у священнослужителей качественного образования, в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. открываются Братские школы, обучение в которых ведется на церковнославянском языке».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Человек и культура».